

тогда, разумеется, и возникает восприятие, и душа смотрит наружу, и поскольку в ней не появился и не появляется никакого оттиска, и она не принимает никакого впечатления, как это бывает в случае отпечатка перстня на воске»³⁶⁰. Плотин не может согласиться с Аристотелем, т. к. если бы душа воспринимала оттиски того, что видит, то она смотрела бы не на то, что видит, а лишь на подобия видимого. То есть вещи на самом деле были одним, а видели бы мы совсем другое, и совсем другое держали в своей памяти. Но из того, что сказано выше выходит будто память ничего не принимает в себя, но при этом воспринимает то, чем не обладает. По Плотину получается так, что душа за счет своей активной позиции удерживает в себе ощущения с помощью некоего усилия. И с помощью опять же некой «силы-способности души» возможно припоминание ощущений.

Тема памяти и припоминания важна для античной философии в связи с рассмотрением генезиса человеческого познания. Особенно хорошо это видно у Аристотеля, который говорит о том, что без наличия памяти не возможно и накопление опыта. Отсюда становится не возможным появление различных искусств и, главное, наук. Ощущения, которые отпечатываются в памяти, являются фундаментом истинного знания о мире. Но если у Платона и Аристотеля душа испытывается воздействием ощущений на себе, то Плотин говорит об активной душе. Тем самым он уходит от пассивной созерцательности и переходит к активному субъекту, выбирающему ощущения, которые будут им восприняты и запечатлены в памяти.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ «ВЛАСТИ НАКАЗЫВАТЬ»

М. В. Пырина

*магистрантка 2 курса Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Французский мыслитель М. Фуко вводит понятие «экономии власти наказывать» для определения цели судебно-правовой реформы конца XVIII – начала XIX вв.³⁶¹. как улучшения распределения наказания: наказывать можно менее строго, но более универсально и с неизбежностью. Эпоха Просвещения формирует

³⁶⁰ Плотин. Об ощущении и памяти // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 170.

³⁶¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Под ред. И. Борисова; пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

отвращение к кровопролитию – она вырабатывает рациональные способы наказания за преступления, вменяя в качестве санкции принудительный труд или каторгу. Главной отличительной чертой наказания становится его рациональная эффективность.

Идеологом принципа рационального устройства общественной жизни считается О. Конт. Мыслитель в своей работе «Дух позитивной философии» показывает, что человеческий ум достаточно созрел для того, чтобы, по возможности, укреплять посредством наших рациональных способностей и рационального отношения к миру порядок и прогресс в общественной жизни. Как утверждал О. Конт, порядок является основным условием прогресса и формирования рационального образа жизни новейшей цивилизации. Есть у него рассуждения и применительно к уголовно-правовой сфере, где он предполагает, что наше активное вмешательство на основе рациональной способности и действия является средством для восстановления нарушенного правопорядка³⁶².

В развитие контовской идеи рационального способа достижения правопорядка в уголовном праве М. Фуко считает, что начиная с Нового времени правонарушения подлежат научному исследованию. Знание, методы, научные дискурсы формируются и постепенно переплетаются с практикой власти наказывать. В структуру судопроизводства и вынесения судебного приговора внедряется комплекс оценочных, диагностических, прогностических и нормативных суждений о преступном индивиде. За преступником наблюдает и исследует его целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели, администраторы, социологи. Утверждение виновности превращается в научно-юридический комплекс.

Как видим, важнейшим критерием рациональности жизни социума является идея общественного прогресса. Наиболее полную разработку она получила в мировоззрении марксизма. К. Маркс с позиции историзма попытался раскрыть сущность общественного прогресса. Он подчеркивал, что необходимо обнаружить основания прогрессивного движения общества. Для него всякий прогресс следует рассматривать через призму производительных сил, образующих основу всей истории людей. По этим соображениям в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» связь политической экономии с государством, правом, моралью, гражданской жизнью и т. д. затрагивается лишь постольку, поскольку этих предметов касается сама политическая экономия³⁶³. Именно рост

³⁶² Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении / Пер. с фр. И. Шапиро. СПб.: Либроком, 2011. 81 с.

³⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политическая литература, 1956. 670 с.

и совершенствование производительных сил и производственных отношений (как базис общества) свидетельствуют о восходящем развитии человеческого общества. Он подчеркивал, что человечество развивается неравномерно, и это развитие носит не линейный, а разветвленный характер.

Признавая марксовский принцип об основаниях общественно-го прогресса, попытаемся рассмотреть, как это связано с проблематикой уголовного права. На протяжении нескольких столетий с XV по XVII вв. в большинстве европейских стран смертная казнь представляла собой самое суровое наказание, являвшееся местью государя и нацеленное на восстановление власти того, кто олицетворял собою закон. Наказание в виде различных пыток и казней преследовало цель устрашения жителей государства, чтобы впредь преступления не совершались: в памяти людей, присутствовавших на публичных казнях, должен был запечатлеваться ужас наказания за содеянное.

У истоков *нового понимания* цели и меры наказания стоит выдающийся мыслитель Ч. Беккариа. Именно его работа «О преступлениях и наказаниях» (1764) послужила теоретической опорой для формирования нового взгляда на наказание за преступление. В данном произведении Беккариа узкий предстает не как специалист в области уголовно-правовой науки – его идеи выражают неразрывную связь философских и правовых воззрений. Его произведение оказало влияние на западных и отечественных мыслителей, поскольку он предвосхитил многие принципы начавшейся уголовно-правовой реформы конца XVIII – начала XIX вв. К его идеям обращались такие мыслители, как Н. С. Таганцев, А. Ф. Кистяковский, М. Фуко и мн. др. Беккариа приходит к выводу, что наказание должно не столько наводить ужас, сколько воспитывать и исправлять преступника. Оно должно быть не краткосрочным, а надолго сохраняться в памяти как преступника, так и остальных граждан.

Следует отметить, что один из важнейших аспектов указанной реформы уголовного законодательства был связан с изменением самих преступлений: по признанию Фуко, наиболее распространенными стали экономические преступления, к примеру, различные виды мошенничества.

Англия в XVI в. была в авангарде экономического развития, что повлияло на стремительный рост экономико-хозяйственных преступлений. Так, официально засвидетельствованный материал, полученный в ходе работы правительственной комиссии, связанной с вопросами по огораживанию в 1517–1518 гг., является бесспорно важнейшим источником для изучения такого важного экономического события для Англии периода возникновения буржуазных

отношений XV–XVI вв., вызванного потребностью в создании широкой базы для капиталистического овцеводства. Огораживание отличалась массовым характером и распространялась на всю территорию Англии. Объектом огораживания в земледельческой «средней Англии» были, главным образом, пахотные земли, из которых сравнительно лишь меньшая часть сохранялась для интенсивного земледелия, большая же часть огороженной площади конвертировалась в пастбища для овец. Как ни странно, наибольшее число непосредственных «огораживателей» приходится на фермеров. При этом фермы разрушали и уничтожали, результатом этого была эвикция крестьян (в настоящее время под эвикцией понимается лишение арендатора его прав путем доказывания преимущественного права собственности на арендованное имущество)³⁶⁴, которые должны были покинуть дом, чтобы в другом месте искать себе пропитание. Анализируя материалы отдельных графств, исследователи фиксировали крупные огораживания в несколько сот, даже до тысячи и свыше акров, в связи, с чем происходило «обезлюдение» целых маноров, выбрасывание крестьян десятками и даже сотнями душ (при этом следует принять во внимание не только мужчин-держателей, но и их семьи, – жен, детей и т. д.). Колоссальная армия крестьян подвергшихся эвикции пополняла толпы преступных элементов, которым ничего не оставалось кроме бродяжничества³⁶⁵. Таким образом, огораживание становится и следствием экономических преступлений, и одновременно причиной многочисленных экономических преступлений, связанных с указанным событием.

Если сами преступления видоизменились, значит необходимо было изменить и наказания за преступные деяния³⁶⁶. Так, обращаясь к вопросу о смертной казни, Таганцев считает, что оценивая карательную систему известной эпохи и известного народа, всегда нужно помнить, что разумным (т. е. рациональным) масштабом для этого должна быть ее жизнепригодность: всякая карательная система вырабатывается народной жизнью и предназначается для служения интересам этой жизни. Следовательно, любая юридическая реформа (в том числе уголовно-правовая) для того, чтобы иметь жизненную силу, должна стоять в непосредственной связи с юридическим мировоззрением народа.

Представляется убедительной идея о том, что реформы в уголовном праве можно объяснить видоизменением права

³⁶⁴ Сухарев А. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://determiner.ru/dictionary/201> (дата обращения: 10.10.2012).

³⁶⁵ Семенов В. Ф. Огораживания в Англии конца XV – начала XVI века (По данным правительственных комиссий 1517–1518 гг.). М.; Л.: АН СССР. 369 с.

³⁶⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Под ред. И. Борисова; пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

в соответствии с общим уровнем образования, нравами, особенностями экономической жизни, политического устройства государства в ту или иную эпоху. Человек XVIII в. воспринимает мир не через призму микрокосма и макрокосма, не через веру, как это было в Античности и Средневековье, а через свой разум.

По мысли Канта, неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого на протяжении многих веков была одной из основных характеристик природы человека. Просвещение позволяет освободиться человеку от чужой внешней опеки, так как постепенно в обществе распространяется дух разумной оценки собственного достоинства и признания каждого мыслить самостоятельно. Кант приходит к выводу: если у меня есть книга, мыслящая за меня, если есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, то мне нечего утруждать себя³⁶⁷. Он ссылается на особенности отношения человека к своим решениям в эпоху Античности: каждый считал свою судьбу предопределенной, любое событие в жизни человека рассматривалось как неизбежный рок. Кант утверждает, что такая позиция может показаться очень удобной как для самого индивида (не использовать свой рассудок в повседневной жизни), так и для управления людьми правителями. Век Просвещения открывает перед человеком возможность свободно мыслить, использовать рассудок в обыденной жизни, а, следовательно, рационализировать свой образ жизни.

Полагание человека на собственный разум предопределило возможность рационализировать и меры наказания за виновные деяния. В условиях превалирования экономической составляющей жизни общества юристы приходят к осознанию, что необходимо использовать преступника как рабочую силу: сохранить жизнь преступника, принудить оплатить ежедневной работой долг перед обществом. По сути дела, смертную казнь предлагают заменить принудительным трудом. Тем самым «рациональная экономия власти наказывать» становится одним из существенных средств прогресса во всех сферах общественной жизни.

Поэтому даже в борьбе с аномальными явлениями, с преступностью, законодатель не должен забывать, что он служит общей цели государства – развитию народной жизни, а тем самым и общему прогрессу человечества и осуществлению его рациональных идеалов. В судьбе смертной казни ярче всего отражается стихийная сила прогресса, который должен подвести к отмене потребности в смертной казни.

Беккариа предлагает рассматривать истинным мерилом преступлений вред, причиняемый ими обществу. При таком подходе рациональность власти наказывать заключается в попытке

³⁶⁷ Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.

«изъять» у преступника его мускульную силу и «передать» ее в распоряжение общества, чтобы «вознаградить» последнее полной от него зависимостью за нарушение в одностороннем порядке общественного договора³⁶⁸.

Принцип рациональной экономии власти наказывать можно считать реализованным в случае, когда наказание достигает своей цели: если страдания, им причиняемые, превышают выгоды от преступления. При этом сторонники данного принципа подчеркивают, что наказание за преступление должно производить сильное и длительное впечатление на преступника, но не причинять ему значительных физических страданий – именно с этим они связывают «мягкость» наказания. Причем такой расчет должен включать в себя кактакой расчет должен включать в себя как расчет должен включать в себя как неизбежность наказания, так и потерю выгод от совершения преступления.

Как утверждает П. Сорокин в работе «Преступление и кара, подвиг и награда», при переходе от менее развитых к более сложным обществам сам процесс взаимодействия индивидов внутри них становится сложнее, при этом происходит укрепление социально полезных шаблонов поведения и вытеснение социально вредных. Данный процесс наблюдается и при использовании «шаблонов наказания». По мере того, как растет устойчивость социально полезного поведения, уменьшается надобность и целесообразность применения жестоких наказаний. Следовательно, с ростом культуры нужны менее жесткие способы воздействия. Постепенно в обществе укрепляются социально полезные шаблоны поведения, делая давление санкций излишними. П. Сорокин формулирует, как он ее называет, теорему «эпизодического колебания санкций»: интенсивность кар тем более велика в каждый исторический момент, чем более примитивно данное общество и чем больше антагонистической разнородности в психике и поведении его членов. И наоборот, чем более образованно данное общество и чем более однородна психика и поведение его членов, тем менее жестоки кары. Так, общественно приемлемое поведение, которого раньше добивались от индивида лишь под угрозой смерти, постепенно начинает выполняться без принуждения, оно становится ему привычным, органически свойственным. Именно таким образом Сорокин подтверждает прогресс в социально полезном поведении индивида³⁶⁹.

В Новое время нередко самые разные проявления человеческой жизни рассматриваются с точки зрения экономической

³⁶⁸ Беккариа Ч. О преступлении и наказании. СПб.: Инфра-М, 2010. 186 с.

³⁶⁹ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Вступ. статья, сост. и примеч. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 618 с.

выгоды. Подтверждением тому служат те положения в УК, которые заменили телесные наказания на продолжительную трудовую жизнь на каторге. Мы находим у Беккариа: «если суммировать все самые несчастные моменты рабской жизни на каторге, то это может быть превзойдет по своей жестокости смертную казнь, ибо эти моменты сопровождают человека всю его оставшуюся жизнь, в то время как смертная казнь реализует свою силу в один миг»³⁷⁰.

Право создавать законы о наказаниях имеет только «законодавец»³⁷¹. По мнению Таганцева, до Нового времени имела место такая форма санкции, когда изначально определялась степень вреда, затем определялась мера наказания, а с XVIII в., считает он, возникает новая форма санкции, которая претендует на абсолютность. Такая санкция должна была подходить для наказания за все виды существующих преступных деяний. Основанием такой перемены явилась реакция на произвол судопроизводства, господствовавшего в это время, а также высокое значение, которое придавали личности и защите ее прав и свобод. Но Таганцев отмечает невозможность применения абсолютной санкции в реальной жизни, так как она не может предвидеть все оттенки преступлений. В России в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. использовалась форма санкции относительно-определенная, когда законодатель назначает пределы наказания, включая минимальный и максимальный его виды. Для Таганцева образцом судебной реформы была Пруссия при Фридрихе II (1712–1786), который преобразовал судоустройство и судопроизводство, установив именно рациональный порядок вместо произвола.

Другой известный русский юрист А. Ф. Кистяковский также считал, что, оставляя преступнику неприкосновенными тело и жизнь, можно извлечь из наказания за преступление выгоду. Он писал, например о том, что основание колоний заставило англичан искать рабочие руки, поэтому они довольно рано стали перевозить людей в колонии за те виды преступлений, за которые до того они казнили смертью³⁷². Яркие примеры дает и история России. Так, А. Солженицын в своем художественном исследовании «Архипелаг Гулаг» приводит поражающие воображение факты. За время с 1921 по 1954 г. за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек³⁷³. Труд репрессированных использовался для возведения Беломорско-Балтийского канала ИТЛ, Днепро ГЭС, а также осужденные попадали в Соловецкий

³⁷⁰ Беккариа Ч. О преступлении и наказании. СПб.: Инфра-М, 2010. 186 с.

³⁷¹ Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902. 374 с.

³⁷² Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. 2-е изд. СПб.: А. Ф. Пантелеев, 1896. 353 с.

³⁷³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. 544 с.

Лагерь Особого Назначения, Озерлаг, Дубровлаг, Донлаг, Амурлаг и Кемеровские лагеря и мн. др.

Принятый в 1996 г. и введенный в действие с 1 января 1997 г. УК с РФ означал поворот к признанию приоритета ценностей, связанных с *гуманистическим подходом* к защите безопасности личности, охране прав и свобод граждан, утверждению новых экономических и иных социальных отношений. Уголовный кодекс четко зафиксировал в своей структуре и содержании конкретных норм идеологический поворот от первоочередной защиты государственных интересов, к выдвиганию на первое место задач охраны признанных цивилизованным человечеством прав и свобод человека и гражданина, в частности, права на жизнь, неприкосновенность личности, жилища, собственности, тайны межличностных отношений, свободы политических убеждений³⁷⁴. Ведь правовые государства декларируют отказ от установки на первостепенность защиты собственной безопасности в пользу охраны прав и свобод граждан.

Таким образом, начиная с Нового времени преступника, рассматривают как нарушителя общественного договора и виновного перед обществом, а не как виновного перед государем или Богом. Реформы юристов были продиктованы изменением во взглядах людей: человек стал уповать на свой разум и рационально подходить к разрешению любого вопроса, в том числе и уголовного наказания.

³⁷⁴ Кашепов В. П. Об особенностях современного уголовно-правового законодательства // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 74–86.